

Jennifer Utrata**Women without Men:
Single Mothers and Family Change
in the New Russia**

Ithaca and London: Cornell University Press, 2015

Стремительный рост количества одиноких матерей — глобальный феномен. Одинокие матери и их дети гораздо более уязвимы, чем “полные семьи”: они чаще оказываются за чертой бедности, у них меньше ресурсов для заботы о здоровье и образовании и меньше времени на общение между родителями и детьми. Несмотря на это, все больше и больше женщин принимают решение жить самостоятельно и воспитывать детей отдельно от партнера. Почему? Социолог Дженифер Утрата предлагает изучить опыт российского общества — общества, в котором одинокая мать давно не воспринимается как проблема.

Отправная точка исследования Дж. Утра-ты — парадоксально равнодушное отношение российского общества к феномену одинокого материнства. В отличие от Соединенных Штатов, где исследователи и политические деятели бесконечно спорят о том, кто виноват и что делать, в России середины 2000-х одинокое материнство как проблема отсутствует в политической повестке. Женщины разводятся

и рожают детей вне брака, не ощущая явного неодобрения со стороны общества. Ослабление государственной поддержки матерей и экономические трудности, связанные с переходом от государственного социализма к рыночному капитализму, не останавливают женщин в их решении самостоятельно воспитывать ребенка. Россия, как неоднократно подчеркивают героини и герой книги, — страна одиноких матерей.

Дж. Утрата следует за своими респондентами и помещает одиноких матерей в центр исследования российской семьи и гендерных отношений, сравнивая матерей в “полных семьях” с “матерями-одиночками”, а не наоборот. Автор сознательно размывает границы между разными категориями одиноких матерей, которые в социологической литературе традиционно рассматриваются отдельно — разведенные женщины, вдовы, женщины, родившие вне брака, замужние женщины, чьи официальные мужья проживают отдельно и не вовлечены в повседневную жизнь семей. Тем самым Дж. Утрата подчеркивает сложность и изменчивость организации семейной

жизни. Одиноким матери чаще всего рассматриваются как определенная категория женщин, тогда как на самом деле, как утверждает автор, одинокое материнство — это скорее этап в жизненном цикле женщины.

Источниковой базой работы являются результаты двенадцатимесячного полевого исследования в Калуге в 2003–2004 годах: 151 глубинное интервью с матерями, бабушками и отцами разного возраста, уровня образования и материального достатка, а также неформальные интервью и заметки, сделанные в процессе включенного наблюдения. Хотя автор не претендует на строгую репрезентативность выборки, которая вряд ли возможна при качественном исследовании, кажется, что исследовательница сумела показать широкий социальный срез российской провинции.

Можно считать, что история российских одиноким матерей начинается в послевоенный период, с печально известного закона 1944 года “Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям”, по которому дети, родившиеся вне брака, лишались права на официальное признание отцовства. Заботу о таких детях брало на себя государство, заинтересованное в росте рождаемости. И хотя в первое десятилетие после принятия закона официальная риторика подчеркивает равную ценность всех детей и матерей, в постсталинский период возвращается представление, что идеальной моделью является “полная” семья с двумя гетеросексуальными родителями. К обязательному материнству как основе советской женственности добавляется обязательное замужество. Респондентки, воспитавшие детей без мужа в позднесоветский период, подчеркивают противоречивость своего положения в обществе. С одной стороны, они чувствовали, что государство их защищает: например, у них не было страха потерять работу и лишиться возможности содержать ребенка материально. С другой стороны, позднесоветские матери постоянно страдали от чувства неполноценности. С распадом советской системы ситуация кардинально меняется: женщины теряют поддержку государства и испытывают значительный стресс от

неуверенности в завтрашнем дне, но при этом не чувствуют общественного осуждения.

Несмотря на очевидные трудности, связанные с необходимостью содержать себя и ребенка в условиях постсоветского экономического кризиса, в ответах на вопросы одинокие матери стремятся приуменьшить значение материальных тягот, постоянно подчеркивая положительные стороны воспитания детей вне брака. Такое контринтуитивное восприятие материальной стороны жизни становится более понятным, если сравнить положение замужней и незамужней матери. Замужняя мать сталкивается с такими же финансовыми трудностями, как и незамужняя, так как мужчины часто зарабатывают недостаточно, чтобы содержать семью (или не работают вовсе), отдают жене только часть своего заработка, а остальное тратят на собственный досуг, алкоголь и отношения с другими женщинами. В любом случае, по свидетельству респондентов, в российской семье именно женщина несет ответственность за распределение скудных ресурсов независимо от того, есть ли в семье мужчина. Более того, на основании собранных данных автор делает вывод, что хроническое нежелание большинства российских мужчин взять на себя хотя бы часть обязанностей по ведению домашнего хозяйства приводит к тому, что при отдельном проживании нагрузка женщины не повышается, а снижается, так как отсутствует необходимость обслуживать дополнительного члена семьи. Еще одним важным аргументом в пользу женской независимости выступает высокий уровень психологического и физического насилия со стороны мужчин, часто связанного с неумеренным потреблением алкоголя (физическое насилие упоминали четверть опрошенных автором женщин). Показательно, что рассказы вдов с детьми практически не отличаются от рассказов разведенных одиноким матерей — они также ощущают себя более свободными и счастливыми.

В основе такого мироощущения лежит система взглядов, которую Дж. Утрата называет “прагматическим реализмом” — “гендерно-специфической формой неолиберальной идеологии, культурным кодом одинокого материнства” (Р. 96). Исследовательница выделяет

четыре основных компонента прагматического реализма: позитивное мышление и вера в способность управлять своей судьбой; принятие негативного дискурса о мужчинах и государстве, которые не хотят и не способны поддерживать женщин и детей; вера в возможности рыночного капитализма, благодаря которому одинокая мать может улучшить свое материальное состояние; открытость к различным вариантам развития собственной жизни. При этом система взглядов женщин не является тотальной или последовательной: одна и та же респондентка может говорить о том, что стремление быть дома присуще женщине от рождения, и при этом описывать свое нетерпение выйти на работу после отпуска по уходу за ребенком. В неолиберальном обществе прагматический реализм позволяет женщине принять условия одинокого материнства, чувствовать себя более уверенной и респектабельной. Однако такое мировосприятие является не “естественной” реакцией “сильной русской женщины”, а результатом осознанной работы над собой. Прагматический реализм налагает серьезные ограничения на женщин, которые должны одновременно соответствовать во многом взаимоисключающим идеалам “хорошей матери” и “успешной женщины”.

Нарратив успешной женщины, которая содержит и воспитывает детей “сама”, маргинализует вклад их собственных матерей, на чьем безвозмездном труде зачастую держится быт одиноких матерей. Занимая маскулинное положение “добытчика” в семье, одинокие матери нередко следуют патриархальной модели, в которой репродуктивный труд бабушек позиционируется как естественное проявление их любви к детям и внукам. Даже если бабушки еще работают, матери считают свою карьеру более значимой, а свою личную жизнь — более важной, чем личная жизнь и досуг бабушек. Сами матери одиноких матерей часто воспроизводят дискурс об “идеальной бабушке”, которая все делает для семьи, но при этом тяготеет к нагрузке, особенно если не чувствуют ожидаемой благодарности. Бабушки среднего класса пытаются установить какие-то границы, но в целом поколение пожилых женщин,

очень слабо защищенное государством, оказывается в серьезной зависимости от своих дочерей. Если же ситуация складывается таким образом, что бабушка и дедушка зарабатывают, а мать занимается только ребенком и хозяйством, она страдает от того, что не соответствует образу “сильной женщины” — образу, к которому стремятся одинокие матери.

Материалы Дж. Утраты опровергают распространённое мнение о том, что российские женщины устали от “двойного бремени” и с радостью целиком посвятили бы себя домашним делам. На самом деле, пишет автор, женщины просто хотят работать меньше: например, на одной работе, а не на двух. Самореализация в труде вне дома остается важной частью женской идентичности. По наблюдениям Дж. Утраты, российские женщины, как правило, отвергают феминизм как “мужененавистническую” идеологию, но при этом стремятся реализовать часть феминистской повестки: например, критикуют гендерное неравенство на рынке труда. Женщины готовы принять неравенство в быту, потому что собственный жизненный опыт не позволяет им представить себе мужчину, который разделит бы с ними обязанности по дому. Мужчины в рассказах женщин, собранных автором книги, предстают слабыми, неспособными внести значимый вклад в семейный быт и воспитание ребенка.

Подобный взгляд на гендерные роли характерен и для замужних матерей, и для мужчин, не участвующих в повседневной жизни своих детей. Больше половины опрошенных замужних женщин задумывались о разводе и с уважением говорили о подругах, решившихся оставить пьющего, агрессивного мужа. Те немногие из опрошенных автором замужних женщин, которые утверждали, что они счастливы в браке, подчеркивали исключительность своей семьи. Мужчины — отцы тех детей, которых матери воспитывают в одиночку, — также соглашались с доминирующим дискурсом о слабости мужчин, их незначительном участии в жизни детей. При этом в свое оправдание мужчины говорили о том, что от отцов вообще не приходится ожидать многого: когда вокруг большинство отцов пьет, тратит деньги на любовниц и не помо-

гает по дому, редкие выплаты неформальных алиментов или минимальное общение с ребенком уже делают мужчину неплохим отцом по сравнению с другими. Мужчины признают, что хорошие отцы должны быть больше вовлечены в воспитание ребенка, и даже часто говорят о желании когда-нибудь в будущем стать хорошим отцом, но продолжают избегать ответственности за уже существующих детей, живущих отдельно.

Книга Дж. Утраты — глубокое исследование, в котором серьезность проработки эмпирического материала сочетается со свежим взглядом на теорию и легкостью изложения. Однако два момента оставляют у меня чувство неудовлетворенности — речь идет не столько о работе автора, сколько об общем уровне осмысления проблематики в научной литературе.

Мое первое разочарование связано с трактовкой советского и российского отцовства. В главе об отцах исследовательница подчеркивает, что современные отцы лавируют между старыми и новыми представлениями об отцовстве. Старые, то есть советские, подразумевают, что мужчине отводится почти исключительно роль добытчика, а от семейных обязанностей он оказывается “отодвинут”: причина такого положения дел — в особенностях советского законодательства, которое обеспечивает женщине-матери социальную защиту, делая ее проводником государственной повестки в семье. Новые же (возникновение которых автор не объясняет — возможно, подразумевая, что они пришли с Запада после распада СССР) предполагают более вовлеченную модель. “Отцы, — пишет Дж. Утрата, — оказываются зажаты между старым и новым. Склоняясь то в одну, то в другую сторону, отцы в целом отдают приоритет материальному содержанию, но некоторые чувствуют, что проводить время с детьми, направляя их морально и обращая внимание на их потребности, — тоже достойная цель” (Р. 205). Тезис о советском отчужденном отцовстве — общее место в социологической литературе, которая в первую очередь опирается на анализ законодательства¹. Однако последние исследе-

дования, прежде всего в области культурной истории, показывают, что советский дискурс об отцовстве был далеко не однородным. Например, реализация мужчины как отца — одна из важных тем оттепельного кинематографа². Советская педагогика подчеркивала дисциплинарную функцию отца, его ответственность за моральное и культурное воспитание ребенка³. Послесталинская пресса активно пропагандировала вовлечение отцов в повседневную жизнь своих детей⁴. При этом мы практически ничего не знаем о том, как именно советские мужчины воспринимали такую пропаганду и до какой степени они участвовали в воспитании детей. Тем самым тезис о старых и новых практиках отцовства требует дополнительного осмысления и, возможно, реконцептуализации.

Еще одним проблемным местом монографии, на мой взгляд, является использование понятия “кризис” как главной рамки исследования. В данном случае речь идет о двух взаимосвязанных кризисах — социально-экономическом и гендерном. Если первый, как следствие краха социалистической экономики и болезненного перехода к рынку, не вызывает сомнений, то ко второму у меня есть вопросы. Гендерный кризис предстает на страницах книги в разных ипостасях: это и рост алкоголизма и связанной с ним высокой смертности мужчин (Р. 185), и “кризис культурных норм, определяющих отношения между мужчинами и женщинами” (Р. 96). Однако этот кризис не рассматривается самими россиянами как таковой, а существующее положение дел “нормализуется”. В результате неизбежно возникает вопрос: если сами рос-

гендерный порядок: социологический подход:

Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138–168.

- 2 Данилова С. *Влияние Второй мировой войны на репрезентации советского отцовства*. Неопубликованная магистерская диссертация.
- 3 DUMANCIC M. *Stalinist Masculinity in Soviet Film and Society, 1953–68*. Unpublished Ph.D. dissertation. UNC Chapel Hill, 2010.
- 4 RANDALL A. “Abortion Will Deprive You of Happiness!?”: *Soviet Reproductive Politics in the Post-Stalin Era* // *The Journal of Women's History*. 2011. Vol. 23, №3. P. 13–38; McCALLUM C.E. *Man About the House: Male Domesticity and Fatherhood in Soviet Visual Satire Under Khrushchev* // *The Palgrave Handbook on Women and Gender in Twentieth-Century Russia and the Soviet Union*. Ilic M. (Ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. P. 331–347.

1 См., например: ЧЕРНОВА Ж. *Модель “советского” отцовства: дискурсивные предписания* // Российский

сийские женщины и мужчины не воспринимают ситуацию с гендерными отношениями как кризисную, насколько оправданно использование в качестве концептуальной рамки понятия “кризис”, которое аналитически связано с “тревожностью” и “травмой”?

“Нормализованный кризис” — это кризис, которого нет. В этом смысле работа Дж. Утраты может продолжить критику концепции гендерного кризиса, начатую историком Мэри Луиз Робертс⁵. Данная концепция подразумевает, что кризисному периоду предшествовал период стабильности. Однако гендерные нормы находились в постоянной трансформации на протяжении как минимум последних ста лет российской истории. И, как показывает исследование Дж. Утраты, стабилизации гендерных норм не предвидится.

Высказанная критика, конечно, несколько не умаляет достоинств исследования Дженнифер Утраты. “Женщины без мужчин: одинокие матери и трансформация семьи в новой России” — книга, которая будет интересна и специалистам по гендерным исследованиям, и широкой публике. Хочется верить, что найдется возможность перевести монографию на русский язык и сделать доступной российскому читателю.

Алиса Клоц

5 ROBERTS M.L. *Beyond 'Crisis' in Understanding Gender Transformation in Gender & History*. 2016. Vol. 28, №2. P. 358–366.